

Наталья Александрова

ОТМЫЧКА

ОТ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

Москва

Смешной детектив

Читайте смешные детективы Натали Александровой

Сыщица-любительница Надежда Лебедева

Рассмешить Бога
Серенада для шефа
Потусторонним вход воспрещен!
Отмычка от разбитого сердца
Клуб шальных бабок
Финита ля трагедия
Чемоданчик Пандоры
Персона царских кровей
Диета против пистолета
Дегустация волшебства
Компромат на суженого
Испытательный срок для киллера
Дешево и смертельно
Капкан для маньяка
Сафари на гиен
Магистры черно-белой магии
Приманка для компьютерной мыши
Не мяукайте с неизвестными
Много шума из косметички
Трам-парам, шерше ля фам
Дама с жвачкой
Украшение китайской бабушки
Фея с благими намерениями
Босс, наркоз и любопытный нос
Где купить демона?
Укол китайским зонтиком

Три подруги-сыщицы

Покер с невидимкой
Бой с ленью
Бриллиантовая уха
Дорогая, я женюсь на львице
В деле только девушки
Бегемот и муза
Три курицы на Плющихе
Бриллиант из крокодиловых слез
Место встречи изменить легко

Аферисты Лена Маркиз и Лола

Проделки небожительницы
Призрак фокусника

До последней звезды
Карамельные неприятности
Миллион черных роз
Небо в шоколаде
До свадьбы заживет
Король изумрудов
Муж, который живет на крыше
Тайное сокровище олигарха
Приятных кошмаров
Альковная тайна содержанки
Не злите джинна из бутылки
Гарем без проблем
Сон в брачную ночь
Джакузи для Офелии
Русалку за хвост не удержать
Фаберже дороже денег
Причуды графа Дракулы
Кастинг Синей Бороды
Преступление в десять карат
Любовь, морковь, свекровь
Криминал в цветочек
Распиливать женщин строго воспрещается
Рассмеши дедушку Фрейда
Гоните ваши денежки
Пролетая над пучком петрушки
Призрак мыльной оперы
Секрет одноглазой Фемиды
Приманка для Цербера
Ключик к Железному дровосеку
Цапки из склепа
Фортуна на всю катушку
Шпион на поводке
Пантера в гипсе
Тур поехавшей крыши
Двойник на подмогу
Секрет под перьями
Капкан на змея
Проказник в изумрудах
Тайна из ларца
Приманка для Цербера
Не мяукайте с неизвестными

Наталья Александрова

ОТМЫЧКА

ОТ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Отмычка от разбитого сердца / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-252944-3

Из психиатрической клиники сбежал один из пациентов, более пяти лет пролежавший «овощем» в палате. Перед побегом он задушил молодого санитара. Второго санитара, присматривающего за психически больными из этой же палаты, находят убитым в пригородной электричке. Причем никто, кроме сыщицы-любительницы Надежды Лебедевой, не догадывается связать эти убийства с нашумевшим делом о Выборгском маньяке, о котором уже более пяти лет ничего не было слышно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-252944-3

Анатолий бросил взгляд на белый кружок часов на стене. Четвертый час ночи, самое скверное время. Сил нет бороться со сном, а до утра, когда их сменят, еще так далеко...

В этот час густой влажный мрак особенно тяжело нависает над больницей, в этот час чаще всего начинаются припадки у тяжелых пациентов. Да и умирают больные чаще, чем в другое время.

Чтобы разогнать сон, чтобы рассеять тяжелую, мрачную предрассветную тоску, Анатолий решил приколоться над своим младшим напарником.

— Слышь, Славик, — окликнул он того, — у Светки со второго отделения с доктором Монаховым любовь.

— Что? — Тот всполошился, отбросил учебник, вытирашил глазищи. — Что ты врешь?

Студент, блин. Каждую свободную минутку книжку читает. Выучится, будет доктор, начальство... не приколешься над ним. Но пока ты никто, пустое место, младший санитар...

— Зачем мне врать, — Анатолий гаденько усмехнулся. — Я, может, сам их видел... как они заперлись в ординаторской... как ты думаешь, студент, чем они там занимались?

— Врешь ты! — Славик захлебнулся от возмущения. — Света — она не такая! Она не будет как все... мы с ней...

— Ну да, не такая! — передразнил его Анатолий. — Баба, она и есть баба... ей только одно и нужно...

Ему вдруг стало скучно, не захотелось продолжать. Да и прикол получился какой-то неинтересный, неприкольный.

Вдруг в дальнем конце коридора послышался крик — испуганный, мучительный, надрывный.

Так и есть — у какого-то хроника начался припадок.

— Пойди вот, посмотри, что там случилось... кажись, в «овощном» кричали...

«Овощным отделом» они называли шестую палату, где лежали тяжелые хроники — безразличные ко всему, ни на что не реагирующие, как овощи на грядке. Некоторые из них время от времени тупо мычали, начинали вдруг бессвязно, бессмысленно лопотать или горячо бубнить, как засорившийся унитаз, другие по месяцу не издавали ни звука.

— Сам иди... — обиженно пробормотал Славик, но уже поднялся и побрел по темному коридору, едва освещенному горящими через одну дежурными лампами.

— Не такая! — проговорил вслед ему Анатолий. — Все они такие...

Он потянулся к оставленной студентом книжке, прочитал название на обложке — «Клиническая психиатрия», сразу заскучал пуще прежнего и отложил.

Дверь шестой палаты негромко скрипнула, и снова наступила тишина.

Завтра получка, подумал почему-то Анатолий.

Он помассировал виски, широко зевнул, взглянул на свои часы.

На них было столько же времени, что и на настенных.

Время словно остановилось.

Может, приколоться — позвонить Милке? Ответит ее муж, злой будет спросонок, а Анатолий его спросит таким спокойным голосом:

— Это зоопарк? Можно попросить северного оленя? Такого рогатого?

Однако, что это студент так долго не возвращается? Заснул он там, что ли? Или сам «овощем» сделался?

Шутки шутками, но Анатолий всерьез забеспокоился. Больно уж нехорошее время — четвертый час ночи.

Он поднялся, встряхнулся, как собака после купания, чтобы сбросить остатки сна, и зашагал к шестой палате.

Дверь палаты скрипнула.

Анатолий вошел внутрь, огляделся.

Вокруг раздавалось только сонное, неровное дыхание больных да скрип кроватей. На потолке рисовали странные картины отсветы уличных фонарей.

— Студент! — негромко окликнул Анатолий парника. — Студент, ты чего? Ты куда пропал?

Может, он давно вышел из палаты и отправился в сортир? Да нет, Анатолий заметил бы его...

А может, он решил сам в отместку приколоться над Анатолием, спрятался в углу и сейчас выскокит?

— Студент, не валяй дурака! — проговорил Анатолий чуть громче. — Пошутил я насчет Светки... не было у нее ничего с Монаховым...

В душе у него шевельнулся крошечный червячок страха.

Вдруг на койке возле окна что-то шевельнулось, и раздался глухой, неразборчивый звук.

Анатолий шагнул туда, увидел Сапогова, тихого хроника, который лежал в этой палате уже седьмой год. Сапогов трясся мелкой дрожью, лицо его показалось Анатолию белым как мел. Впрочем, в палате было так темно, что трудно быть в чем-то уверенным.

— Гу! — промычал хроник, выпростав из-под одеяла левую руку. — Гу-гу!

— Да чего ты гогочешь, как гусь! — разозлился Анатолий. — Не можешь сказать ничего, так молчи!

Хроник зажал левой рукой рот, словно боясь

сказать что-то лишнее. Но в то же мгновение из-под одеяла выбралась, как самостоятельное живое существо, его правая рука, указывая на что-то за спиной у старшего санитаря.

— Гу-гу! — мучительно выговорил он и снова зажал непослушный рот рукой.

— Ну что там... — пробормотал санитар и повернулся в ту сторону, куда указывала правая рука Сапогова.

Свет из окна упал на соседнюю койку, и выдавший виды санитар едва не закричал, как нервная барышня.

На этой койке лежал Славик.

Мертвые глаза студента неотрывно смотрели в потолок, лицо его безобразно посинело, изо рта вывалился огромный темный язык.

— Матерь божья! — с трудом выговорил Анатолий, медленно отступая. — Задушили! Кто ж его?

Он бросил взгляд на Сапогова, но эта мысль была несуразной: несчастный хроник явно сам помирал от страха.

Да и потом... в шестой палате не было пустых мест, значит, если Славик лежит на этой койке... куда тогда делся тот больной, что лежал здесь до него?

Санитар попытался вспомнить, кто лежал на этой койке, но перед его глазами вставало только какое-то расплывчатое, неопределенное, неразборчивое лицо.

Да, собственно, неважно, как он выглядит! Важно, что он сейчас где-то спрячется...

Анатолий стремглав выскочил из палаты, кинулся на пост и поднял тревогу.

Только сначала он забежал в сортир и склонился над унитазом — от увиденного в палате его мучительно вырвало.

Через полчаса отделение оживилось. Почти все дежурные врачи и санитары сновали по нему в поисках пропавшего больного. Начальник смены доктор Зароев распорядился полицию не вызывать, пока не найдут виновника трагедии.

— Деваться ему некуда, — проговорил красавчик-доктор, — за полчаса мы его найдем, тогда уж и вызовем полицию!

Анатолий тоже обходил помещение за помещением, но делал это словно в полусне: перед его глазами все стояло синее, распухшее лицо Славика.

«Отучился, бедолага! — думал санитар, открывая дверь бельевой. — Вот ведь... думал, выучится, доктором станет...»

Он обвел бельевую пустым, безразличным взглядом...

И вдруг увидел, как шевельнулась простыня, которой была накрыта хромированная каталка.

Еще не понимая, что это значит, он приподнял край простыни...

На него уставились два немигающих, горящих мрачным огнем глаза.

— Только пикни, — прошептал притаившийся под каталкой человек.

— Это... ты студента придушил? — проговорил Анатолий, справившись с перехватившим горло спазмом.

— Догадливый! — осклабился убийца. — И тебя придушу, если зашумишь!

Теперь Анатолий вспомнил его: этот больной поступил к ним пять лет назад с последствиями тяжелой операции на мозге. Чудом выжил, но ни на что не реагировал, круглые сутки лежал, тупо глядя перед собой и пуская пузыри. Типичный «овощ», самый тот контингент для шестой палаты.

Правда, в последнее время Анатолию пару раз казалось, что в глазах этого «овоща» мелькала какая-то осмысленная искра, но доктора на осмотрах не находили никаких улучшений, а докторам лучше знать, на то они и доктора. Так что Анатолий помалкивал.

— Ты — придушишь? — Санитар оценивающе взглянул на «больного» — когда-то он, безусловно, был сильным человеком, но пять лет болезни и неподвижности сделали свое дело, в то время как сам Анатолий на здоровье не жаловался — в санитары на психиатрическое хилых не берут.

Но он вспомнил, как тот придушил Славику — студент и пикнуть не успел... оценил мрачный блеск глаз... нет, это не пустая угроза! Этот придушит, как цыпленка!

— Не успеешь, — Анатолий прикинул расстояние до двери, напрягся. — Я закричу, через минуту здесь толпа будет. Вся больница сейчас у нас на отделении...

— А может, успею? — Убийца тоже напрягся, приготовился к прыжку.

— Ну что — играть будем? Кто кого? — Анатолий облизнул пересохшие губы.

— А может, лучше договоримся? — Глаза убийцы заблестели. — У меня деньги есть... большие деньги...

— Ну да, — Анатолий усмехнулся, но слегка расслабился — разговор о деньгах его больше устраивал, чем разговор о смерти. — Ну да, у нас на отделении один себя Биллом Гейтсом считает, я, говорит, самый богатый человек в мире... а еще один псих объявил себя Ходорковским, требует, чтобы ему разрешили варежки шить...

— Я не сумасшедший, — проговорил скорчившийся человек. — У меня были проблемы с головой, но я выздоровел. И у меня действительно есть большие деньги. Только их еще нужно взять. И здесь мне понадобится твоя помощь.

— Ты за кого меня принимаешь? — Анатолий на полшага приблизился, не теряя бдительности. — Что я, по-твоему, законченный псих?

— Наоборот, — скорченный человек взглянул на санитара неожиданно острым, пронизательным взглядом. — Ты мужик умный, толковый... знаешь,

чего хочешь. С другим бы я и разговаривать не стал. Ты вот лучше послушай, что я расскажу... только вот что, — он досадливо поморщился, — вылезу я отсюда, неудобно так, согнувшись...

Он выбрался из-под каталки, растер затекшие суставы, потянулся.

Анатолий снова поразился силе, которой дышала фигура этого человека, и на всякий случай отступил к двери.

— Боишься? — тот усмехнулся кривой волчьей усмешкой. — Это хорошо... значит, не обманешь...

Анатолий выслушал совершенно неправдоподобную историю, рассказанную ему бывшим «овощем», полчаса назад убившим его напарника, — и неожиданно поверил в нее. Поверил, что его жизнь может внезапно, чудесным образом измениться. Станет он не санитаром в психушке, выносящим горшки за дебилами, а богатым, свободным человеком... Никто не будет на него орать и выговаривать за несвежее белье и неухоженных пациентов «овощного отдела», никто не будет гонять его по мелким поручениям...

Анатолий нервно сглотнул и пригляделся к своему собеседнику.

Все это похоже на правду... вот только нельзя и на минуту верить этому человеку. Он убил Славику — так же убьет и его, Анатолия...

— Никому нельзя верить, — проговорил тот, будто прочел мысли, — ни другу, ни брату, ни жене.

Самому себе — и то в самом крайнем случае. Только одному человеку можно...

— Это кому же? — недоверчиво спросил санитар.

— Тому, у кого те же интересы, что у тебя. Тому, кому ты нужен. Сейчас ты мне нужен, а я — тебе. Значит, мы с тобой можем друг другу верить.

— А потом...

— А потом будет суп с котом! Сейчас ты меня отсюда выведешь. Сможешь?

— Отчего не смочь? — Анатолий огляделся. — Конечно, смогу. Полезай на эту каталку...

— Видеть ее не могу... — пробормотал «овощ», но послушно вскарабкался на металлическую каталку, вытянулся на ней, как покойник. Анатолий завалил его стопками грязного белья, оглядел со стороны, остался доволен и выкатил в коридор.

Навстречу ему попался Мишка Лямкин с четвертого этажа. Не давая ему раскрыть рта, Анатолий выпалил:

— Ну, чего — нашли того гада?

— Какое там! — Лямкин безнадежно махнул рукой. — Верно, давно уж в город выбрался... надо полицию звать, а Зароев трясется — в его дежурство такое ЧП...

Лямкин снова махнул рукой и побрел дальше по коридору, не задав естественный вопрос — куда это Анатолий в четыре часа утра, в разгар суматохи, везет тележку с грязным бельем...

Анатолий подкатил тележку к лифту, спустился в цокольный этаж, проехал мимо дремлющего охранника. Тот приоткрыл один глаз, узнал знакомого и заснул снова.

Выкатив тележку через незапертые двери, Анатолий огляделся. На улице не было ни души.

— Ну, вылезай, пассажир! — проговорил он вполголоса. — Дальше своими ногами пойдешь!

«Овощ» раздвинул грязное белье, прыгнул с каталки.

— В таком виде? Да меня первый же полицейский остановит! Нет уж, взялся помогать — помогай!

— Ладно, пойдем!

Анатолий оставил тележку, прошел через больничный двор к стоянке, на которой среди машин персонала стояла его ржавая «пятерка».

— Залезай! — скомандовал он, открыв дверцу. — Пару часов здесь подождешь, только согнись, чтобы тебя никто не заметил. Я сменюсь и отвезу тебя в безопасное место.

Он запер машину, вернулся на отделение и принял самое деятельное участие в поисках сбежавшего больного.

Наконец доктор Зароев вызвал полицию и сообщил о сбежавшем пациенте. Про убитого санитар он пока велел помалкивать. Персонал дружно пожал плечами — доктору виднее.

С Анатолием, как с почти очевидцем происше-

ствия, поговорил невыспавшийся толстый майор. Анатолий рассказал все честно — до того момента, как вошел в бельевую. Майор повздыхал, посетовал, что их так поздно вызвали, и позвал следующего санитаря.

А там и смена подошла. Пришлось в очередной раз рассказать сменщику ночную историю, выслушать от него сочувственные вздохи, и только тогда Анатолий вышел из здания больницы.

«Пятерка» стояла на месте.

И на заднем сиденье скорчился страшный пассажир.

Анатолий сел за руль, выехал за ворота больницы, переехал железнодорожные пути и только тогда повернулся к своему попутчику:

— Все, можешь не прятаться. Здесь за нами уже никто не следит.

Впрочем, в этом он ошибался.

От самой больницы за его «пятеркой» незаметно следовала темная машина.

Надежда Николаевна протолкалась к выходу из вагона, с трудом выбралась на перрон, увернулась от здоровенного дядьки, который чуть не втолкнул ее обратно в вагон, пробилась к пересадочному эскалатору и на несколько секунд перевела дыхание.

Все-таки ездить в метро в час пик — удовольствие ниже среднего. Если бы не неотложная забота, ни в жизнь бы не поехала!

Казалось бы, возмущенно думала Надежда, в прошлом году она уволилась с работы, вернее, их всех уволили по сокращению штатов. И муж Надежды Сан Саныч, вместо того, чтобы утешить жену, неприлично этому факту обрадовался. Оказывается, в душе он давно уже лелеял мысль, чтобы Надежда ушла с работы и посвятила все свое время только ему и коту Бейсику.

Муж утверждал, что он — человек скромный и нетребовательный, что полностью соответствовало действительности, и вовсе не собирается делать из Надежды замотанную домашнюю хозяйку. Пока он на работе, она будет много гулять на свежем воздухе и заниматься своей внешностью и здоровьем — чем плохо? Скрепя сердце, Надежда согласилась — выбора все равно не было. Если Сан Саныч что-то решил — сдвинуть его с этого решения было невозможно. И вот только она записалась в бассейн и сходила несколько раз к массажисту и косметологу, как все друзья и знакомые пронюхали про ее увольнение и посчитали, что теперь Надежда имеет достаточно времени, чтобы заняться их делами.

Сразу же обнаружили бесчисленные старушки, которым необходимо отвезти: синюю лампу, баночку очень полезного варенья из морошки, найденное пенсионное удостоверение, забытого в поезде кота и так далее (как они раньше жили, хотелось бы знать...).

По чужим квартирам Надежда дожидалась

прихода сантехников, электриков и паркетчиков и вообще полностью проконтролировала четыре с половиной ремонта (в последнем случае пришлось прерваться, потому что у хозяев кончились деньги).

Чужих детей она водила к стоматологам, к репетиторам, а акула в океанариуме стала ей просто как родная, потому что за полтора года Надежда встречалась с ней не меньше восьми раз.

Она поливала чужие цветы и возила чужих хомьяков к ветеринару, встречала на вокзале поезд, проводник которого должен был привезти чужой теще старинную люстру с погнутыми рожками, и делала еще много других чужих дел...

И еще приходилось скрывать все от мужа — он-то, наивный человек, верил, что жена его ведет здоровый образ жизни и бережет себя. Действительно, от такой беготни Надежда похудела, и это ей шло. Некоторые подруги начали интересоваться, на какой диете она сидит, на что Надежда уклончиво отвечала, что на диете нужно не сидеть, а бегать. Но оставшегося от чужих дел времени ей хватало только на то, чтобы кое-как распахать по квартире вещи и приготовить обед.

Вот и сейчас Надежда с привычным раздражением подумала, что ее ожидает куча дел и вечером еще нужно делать вид, что она прекрасно отдохнула, пока мужа не было дома.

Впереди Надежды стоял на ступеньке эскалатора сутулый мужчина с венчиком черных волос во-

круг аккуратной круглой лысины. Ему тоже было тяжело в переполненном метро — он то и дело вздыхал и беспокойно оглядывался по сторонам.

Рядом с Надеждой Николаевной стояла худощавая женщина лет сорока в бежевой курточке и бейсболке. Она стояла как-то боком, одной ногой на нижней ступеньке. Надежда подумала, что той неудобно стоять, и слегка посторонилась, освобождая ступеньку, но женщина сделала вид, что не заметила ее любезность, и осталась на прежнем месте. Даже немножко сдвинулась в ту же сторону, что Надежда, отчего ей стало еще неудобнее.

Надежда Николаевна пожала плечами и тут же забыла про нее.

Она шагнула с эскалатора на верхний перрон, устремилась вперед вместе с толпой, которая тут же внесла ее в открытые двери подошедшего поезда. Рядом с ней мелькнула знакомая бейсболка, но Надежде не было до нее никакого дела. На следующей остановке ей нужно было снова пересаживаться, и она принялась протискиваться к дверям.

Поезд остановился, Надежду опять вынесло на перрон, она спустилась по лестнице и нырнула в длинный коридор очередного перехода. Прямо перед ней мелькнула лысина в обрамлении черного венчика волос. В двух шагах вслед за мужчиной двигалась та странная женщина с эскалатора, только бейсболки на ней уже не было.

И не только бейсболки.